

**Материалы Семинара-совещания
на филологическом факультете МГУ.
«Тарас Шевченко и славянские культуры.
К 200-летию со дня рождения»**

Я.Г. Мельник

**Лингвокультурные константы
в поэтическом наследии Т. Шевченко /**

Аннотация: В статье рассматривается поэтический мир Т. Шевченко в контексте современной лингвоконцептологии. В результате исследований определены центральные (ядерные) и периферийные элементы лингвоконцептуального пространства поэта, определены типологические закономерности его поэтического наследия.

Ключевые слова: концепт, культурные константы, поэтика, картина мира

Abstract: The article deals with the poetic space of T. Shevchenko in the context of a modern linguoconceptology. In the result of investigation the central (nuclear) and peripheral elements of this space, typological peculiarities of his poetic heritage were identified.

Key words: concept, cultural constants, poetics, picture of the world

Лингвистическая наука конца XX – начала XXI в. осуществила резкий крен и прошла точку невозврата в сторону лингвокультурологии, лингвоантропологии и др. культуроцентрических направлений. Эта динамика изменила парадигму гуманитарной науки и прописала ее стратегию на ближайшие десятилетия. Именно эти тенденции позволили по-новому взглянуть на проблемы современной науки, а также осуществить новые интерпретации уже, казалось бы, достаточно хорошо исследованных реалий. Когнитивистика и концептология являются этими новейшими направлениями, которые из категории второстепенных и вспомогательных перешли в категорию доминантных и определяющих.

По состоянию на сегодняшний день феномен концепта достаточно хорошо разработан и представлен в современной науке трудами таких исследова-

телей, как А. Вежбицкая, С. Воркачев, Ю. Степанов, В. Карасик, В. Маслова, Г. Огаркова, М. Пименова, Н. Слухай, Н. Алефиренко и многие другие. Следует заметить, что концептология в современном научном дискурсе представлена не вычлененно и дистанцированно от других, а, скорее всего, направлением системного характера. Репрезентантами системности являются близкие и дополняющие друг друга направления, образующие систему взглядов и подходов. К ним относятся теория культурных констант, культурных стереотипов, учения об архетипах, фреймовых составляющих культуры и пр. Иначе говоря, изначально раскритикованное и не принятое многими лингвистами направление отвоевало место под солнцем и в настоящее время является одним из ключевых факторов, который определяет ландшафт современной гуманитарной науки.

Важно заметить, что в течение последних десятилетий формат исследования концептуальной картины мира и концептов как таковых значительно расширен. Проблемы концептологии попали в поле зрения философов, культурологов, психологов, литературоведов и др. Концептологические интерпретации культуры, художественных произведений, в частности произведений словесного искусства, все чаще становятся репрезентантами современных научных идей.

Концептологический подход к интерпретации художественных произведений помогает приоткрыть занавес и расширить знания о художественном методе, литературно-художественном наследии, о творческой лаборатории поэтов и писателей. То есть концептологическая составляющая, по мнению многих исследователей, является одним из сегментов глобального процесса философского, художественно-образного осмысления действительности и трансформации ее в художественный образ, художественный текст. Иначе говоря, концепты выполняют текстообразующую функцию и «становятся стержневыми лексемами-интертекстами текстового пространства».

Вполне естественно, что понятие концепта легко перепутать с другими текстообразующими категориями, но концепт все же обладает набором дифференциальных признаков. Концепт – это «сгусток» смысловых компонентов с широким аспектом ассоциативов, эмоционально-экспрессивным наполнением, значительным удельным весом в аксиологической шкале, часто повторяющийся апеллятив – структурный лейтмотив текста, идейный эпицентр произведения, системообразующее ядро, некий законодатель и детерминатив семантического микро- и макрополя, главный интенциональный механизм, формирующий образно-текстовое пространство. Это некая понятийная зона, содержащая в себе сложнейшие комбинации геномов культуры, которые в свою очередь конденсируют исторический опыт, религиозно-мировоззренческие формулы, а также картину личных переживаний с мощными потоками осознанного и подсознательного. Поэтому любое художественное произведение – в первую очередь говорим о произведениях словесного искусства – представляет сложный конгломерат взаимообусловленных и взаимосвязанных факторов, которые формируют

живой организм произведения. В этом наборе составляющих концептологическая конструктивная модель во многом является определяющей, своеобразным законодателем, структурным кодексом.

Весьма примечательным является и то, что концептуальная модель бытия, которая имплантируется автором в текстовое пространство, всегда проходит процедуру многоаспектной коррекции, которую осуществляет автор под влиянием многих объективных и субъективных факторов. Поэтому в каждом произведении словесного искусства всегда представлены лингво-концептуальные модели бинарного типа, где фундаментальной и системообразующей позиционируется концептуально-языковая модель, на которую накладывается субъективная, индивидуально-личностная (с опытом личностного переживания мира) суммарная величина многих структурно-комбинаторных компонентов, которые в свою очередь и формируют личность человека – репрезентанта эпохи и личной судьбы во всем его многообразии и уникальности.

Таким образом, опираясь на опыт современной когнитологии, можно с уверенностью сказать, что концепт как системообразующее и системоопределяющее начало (здесь о художественном произведении) – это всегда сложная суммарная комбинаторика лингво-семиотических, этнокультурных, философско-мировоззренческих, социально-аксиологических, этнопсихологических и пр. факторов, переформатированных эмоционально-личным переживанием мира и изложенных в пределах одного обозримого текстового пространства.

В контексте относительно широкого спектра реализации концептосферы как таковой следует выделить лингвокультурные концепты, которые в соотношении с моделью художественного произведения являются наиболее тождественными и оправданными с методологической точки зрения.

В настоящем исследовании рассматривается поэтическое наследие Т. Шевченко сквозь призму концептуальной модели бытия. Но специфика предлагаемого подхода заключается в том, что нами осуществлена попытка набросить «сетку концептов» на поэтическое наследие классика украинской литературы и обнаружить определенные закономерности и тенденции, которые делают поэтический мир Т. Шевченко своеобразным и уникальным.

Проводя поверхностные наблюдения, а также концептуально-тематическую и идейно-образную классификацию и типологию и статистический анализ, следует обратить внимание на обнаруженные закономерности. В поле зрения настоящего исследования попало около 230 поэтических произведений, представленных в первых двух томах пятитомного издания 1970 г.

Необходимо обратить внимание на то, что в анализе, систематизации, классификации и выводах, полученных в результате аналитического экскурса в поэтический мир Т. Шевченко, существует определенная доля погрешности, поскольку часть произведений содержит несколько концептных единиц и выделение доминанты, ключевого и определяющего элемента – вопрос дискуссионный. Но, учитывая этот коэффициент (он составляет не более

10%), все же попытаемся создать эскизный вариант концептуально-художественно-авторской модели мира Тараса Шевченко, имплицитно заложенной в поэтическую ткань известного поэта.

Статистический анализ и классификация концептологической модели (и ее импликация в текстовом пространстве) мира Т. Шевченко наглядно демонстрирует то, что одним из самых эксплуатируемых концептов является концепт «доля» (судьба). По приблизительным подсчетам – более 60-ти стихотворений в качестве смысловой доминанты (концепта) содержат именно этот компонент, и очевидным является то, что по своим количественным параметрам он опережает другие. Но следует заметить, что эта цифра условна, поскольку указанный лингвокультурный концепт во многих произведениях представлен вторым, третьим планом, т. е. является вторичным системообразующим фактором. Кроме этого, в части произведений (около 20) судьба («доля» – укр.) представлена в своей крайней (депрессивной) форме и эксплицирует понятия «фатум», «безысходность», «рок».

Например, в произведении «Причинна»:

Не китайкою покрились
Козацькі очі,
Не вимили біле личко
Слізоньки дівочі:
Орел вийняв карі очі
На чужому полі,
Біле тіло вовки з'їли, –
Така його доля.

І золотої, й дорогої
Мені, щоб знали ви, не жаль
Моєї долі молоді:
А іноді така печаль
Оступить душу, аж заплачу,
А ще до того як побачу
Малого хлопчика в селі.
Мов одірвалось од гіллі,
Одно-однісіньке під тинном
Сидить собі в старій ряднині.
Мені здається, що се я,
Що це ж та молодість моя.

Концепт «судьба» в поэтическом наследии украинского классика выходит за рамки его персональной жизненной линии и распространяется на историческое прошлое, судьбу всего народа, абстрактного лирического героя, вымышленных персонажей. Так, скажем, линия судьбы молодого казака тесно сопряжена с судьбой молодой девушки, определяет ее реалии, которые чаще всего ассоциируются с отрицательными элементами и интерпретациями:

Якби-то далися орлині крила,
За синім би морем милого знайшла;
Живого б любила, другу б задушила,
А до неживого у яму б лягла.
Не так серце любить, щоб з ким поділитися,
Не так воно хоче, як бог нам дає:
Воно жить не хоче, не хоче журиться.
«Журись», – каже думка, жалю завдає.
О боже мій милий! така твоя воля,
Таке її щастя, така її доля!

Концептуальна категорія судьбы («долі») виходить за рамки людського особистого буття і за часту переплетается з судьбой оточуючого світа. Во многих произведениях «судьба» представляє складну сітку взаємозв'язаних складових і переплетается з «чужбиною», «безвиходністю», «любов'ю», «пейзажними» епізодами:

Нащо мені врода,
Коли нема долі, нема талану!
Літа молодії марно пропадуть.
Один я на світі без роду, і доля –
Стеблина-билина на чужому полі.
Стеблину-билину вітри рознесуть.

В поезії Т. Шевченка часто прослідковується визначений крен в сторону отрицательних ознак судьбы, а те, що має позитивні характеристики і з чого соткана людська життя, значно рідше співвідноситься з поняттям (концептом) судьба. Інакше кажучи, «доля» (судьба) частіше всього тяжіє, гірка, безвихідна, сумна, трагічна:

Рости, рости, тополенько,
Все вгору та вгору!
Рости тонка та висока
До самої хмари,
Спитай бога, чи діжду я,
Чи не діжду пари?
Рости, рости, подивися
За синє море:
По тім боці – моя доля,
По сім боці – горе.

Судьба в творчестві видатного українського поета варіативна і має достатньо різні форми: судьба – це раптова смерть (гибель); нерозділена любов; странство, ссылка, чужбина – відірваність від батьківщини; втрата свободи; відсутність матеріального благополуччя і відсутність якоїсь можливості розірвати цей порочний кіл:

У якому краю мене заховають,
Де я прихилюся, навіки засну?
Коли нема щастя, нема талану,
Нема кого й кинуть, ніхто не згадає,
Не скаже хоть на сміх: «Нехай спочиває;
Тільки його й долі, що рано заснув».

Довго плакав рибалонька:
«Нема в мене роду,
Нема долі на сім світі...»

Бо серце холоне,
Як подумаю, що, може,
Мене похоронять
На чужині, – і ці думи
Зо мною сховають!..
І мене на Україні
Ніхто не згадає!

Судьба («доля») в поетическом миробыттии Т. Шевченко приобретает тяжелые, минорные оттенки и соотносится со смертью, потерей веры в будущее и полной безысходностью, на которую человек с его жизненной энергией и потенцией не может повлиять, не может изменить! Она всегда выше и сильнее человека. В таких вариантах судьба трансформируется в фатум, рок:

Минули літа молодії,
Холодним вітром од надії
Уже повіяло. Зима!
Сиди один в холодній хаті,
Нема з ким тихо розмовляти,
Ані порадитись. Нема!
Анікогісінько нема!
Сиди ж один, поки надія
Одурить дурня, осміє...
Морозом очі окує,
А думи гордії розвіє,
Як ту сніжину по степу!
Сиди ж один собі в кутку.
Не жди весни – святої долі!..

Следующими наиболее актуальными концептами в поетическом наследии Т. Шевченко являются концепты «Родины» и «патриотизма». По нашим подсчетам поэтических произведений, где главным системообразующим элементом являются эти концепты (в контексте творческого наследия поэта они сближаются и образуют бинарное единство), более сорока. Но если более

скрупулезно розглядати поетичне творчість, то другим або третім планом представлена тема родини і патріотизма в більш ніж половині стихотворних текстів поета. Але в текстовому наслітті Т. Шевченка дуже тісно переплітаються субконцепти – «велика родина» і «мала родина». Зачастую семантичні межі між ними розмиті і представляють цілісність системного характеру. Хоча тема «малої родини» (і відповідно – концепта) в поезії представлена більш утончено і з великим почуттям ніжності:

За карії оченята,
За чорнії брови
Серце рвалося, сміялось,
Виливало мову,
Виливало, як уміло,
За темні її ночі,
За вишневий сад зелений,
За ласки дівочі...
За степи та за могили,
Що на Україні,
Серце мліло, не хотіло
Співати на чужині...

Мені тринадцятий минало.
Я пас ягнята за селом.
Чи то так сонечко сяло,
Чи так мені чого було?
Мені так любо, любо стало,
Неначе в бога...
Уже прокликали до паю,
А я собі у бур'яні
Молюся богу... І не знаю,
Чого маленькому мені
Тойді так приязно молилось,
Чого так весело було?
Господнє небо, і село,
Ягня, здається, веселилось!
І сонце гріло, не пекло!

Посажу коло хатини
На wspomин дружині
І яблуньку, і грушеньку,
На wspomин єдиній!
Бог дасть, виростуть. Дружина
Під деревами тими

Сяде собі в холодочку
З дітками малими.

В поэтических текстах весьма часто встречается реализация концептов «Украина» (родина) и «судьба». Судьба же зачастую сужается до понятия «исторического события» и безысходности что-либо изменить:

Світе тихий, краю милий,
Моя Україно!
За що тебе сплюндровано,
За що, мамо, гинеш?
Чи ти рано до схід сонця
Богу не молилась?
Чи ти діточок непевних
Звичаю не вчила?

Патриотическая тематика, тема родины весьма чувственна и сентиментальна и приобретает особую эмоциональную колористику под влиянием чувств ностальгии, грусти, душевного посыла родной земле. После интимной тематики, концептуальной модели, основным признаком которой является чувство любви к девушке (женщине), занимающее в тематическом ряду третье место, ностальгия, духовная связь с родной землей занимает следующую позицию. Кроме этого, тончайшие нити, которые связывают поэта с родной землей, часто – деревенькой, прослеживаются и во многих других поэтических текстах:

То так і я тепер пишу:
Папір тільки, чорнило трачу...
А перш! Єй-богу, не брешу!
Згадаю що чи що набачу,
То так утну, що аж заплачу.
І ніби сам перелечу
Хоч на годину на Вкраїну,
На неї гляну, подивлюсь,
І, мов добро кому зроблю,
Так любо серце одпочине.

Достаточно часто патриотизм, ностальгия образуют сложную картину чувств и эмоций, но одно из самых ярких – это чувство одиночества и обреченности:

Заросли шляхи тернами
На тую країну,
Мабуть, я її навіки,
Навіки покинув.
Мабуть, мені не вернутись
Ніколи додому?
Мабуть, мені доведеться
Читати самому

Оці думи? Боже милий!
Тяжко мені жити!
Маю серце широкєс –
Ні з ким поділити!

Следующие элементы концептуальной картины мира поэта, которые доминируют в текстовых структурах, – это «героическое прошлое» (козаччина), «социальное неравенство», «царь и его окружение», негативного отношения к которым автор не скрывает, «сиротство» и «слезы». Все из вышеупомянутых элементов картины мира поэта выходят за рамки прямых значений и понятий и приобретают глобальные параметры и характеристики. Созерцая мир, автор негодует по поводу жестокой социальной несправедливости, имплицитно или эксплицитно выражая свое отношение к крепостничеству, военной муштре, бездарным вельможам, от которых зависит судьба многих, к богатым и власть имущим на фоне нищеты простого трудового народа, крепостных.

Тема (концепт) «сиротства» и «слез» как никакая другая близка к фольклорной культуре и восточнославянскому мировоззрению. Но у Т. Шевченко эти концепты приобретают особенные черты. Сиротство выходит за рамки индивидуальной судьбы, потери близких, и его качества и признаки (сиротства) распространяются на народ, страну, живую и неживую природу и т. д.:

Ой умер старий батько
І старенькая мати,
Та нема кому щирої
Тії радоньки дати.
Що мені на світі,
Сироті, робити?
Чи йти в люде жити,
Чи дома журитись?

Слезы же эксплицируют не беспомощную сентиментальную полудепрессию, а утонченное чувство родства, связи, сострадания, боли, духовного единения. Слезы, иначе говоря, это сложный мир чувств, эмоций и переживаний, за которым скрывается сложная аксиологическая модель, стремление, оценка. В определенной мере автор формирует свое видение культуры сострадания, учит читателя быть неравнодушным:

І я, заплакавши, назад
Поїхав знову на чужину.

Тільки я,
Неначе заклятий, дивлюся
І нишком плачу, плачу я.
Чого ж я плачу? Мабуть, шкода,
Що без пригоди, мов негода,
Минула молодість моя.

Святая сило всіх святих,
Пренепорочная, благая!
Молюся, плачу і ридаю:
Воззри, пречистая, на їх,
Отих окрадених, сліпих
Невольників.

Сиротство и слезы часто представляют собой некое единство двух субстанций, которые непосредственно связаны с концептом «судьба», и в этих структурированных формах четко прослеживаются фольклорные традиции плачей, страданий. По нашим наблюдениям, последние изложенные категории, составляющие концептуальную модель мира поэта, представлены в поэтическом наследии примерно в равных соотношениях. Хотя второй и третий планы они представляют достаточно по-разному. Так, скажем, сиротство и слезы явно превалируют над другими. В этом контексте следует обратить особое внимание на специфическую ментальную категорию, которая не столь интенсивно, но достаточно ярко эксплицирована в поэзии Т. Шевченко, – это «журба». Эта ментальная, этнокультурная категория не имеет своих полных аналогов в других языках, в том числе и в русском. Отчасти она соотносима с грустью, тоской и ностальгией, но ее ядерным семантическим признаком является «глубокая рефлексия, размышления с сильным внутренним психоэмоциональным переживанием», которое отличает ее от вышеупомянутых.

Журився сам собі чогось,
Та й заспівав, – звичайне, тихо,
Щоб капітан не чув, бо з лиха
Якийсь лихий, хоч і земляк.

Это глубокое чувство вторым или третьим планом пронизывает все творчество Т. Шевченко, это доминирующее чувство, которое так или иначе окрашивает все периоды творчества поэта.

Кроме представленных выше концептов, в творчестве Т. Шевченко достаточно широко и объемно представлена пейзажная тематика, где мир природы сопряжен с гармонией, чистотой и совершенством. В творчестве Т. Шевченко образы природы диссонируют с личной судьбой и картинами настоящего. Особое место уделено в поэзии прошлому, которое соотносится с героизмом, мужеством. Прошлое в авторской картине мира совершенно, достойно уважения. Настоящее же – ярко выраженная противоположность прошлому. По аналогии концепт «счастье» в поэтической модели мира тоже соотносим с прошедшим временем, детством, юностью. Настоящее же резко контрастирует с прошедшим, переполнено грядой неудач, бессмыслия, потерь и безысходностью.

Кроме представленных выше концептов, в творчестве Т. Шевченко есть и другие, но они являют собой некую периферию концептуального пространства автора, его модели мира. К таким относятся концепты: бог, муза, поэт, время, честь и достоинство (высшие моральные ценности), философские категории и др.

Таким образом, поэтический мир Тараса Шевченко представляет уникальную концептуальную модель, в эпицентре которой находятся «судьба» – («доля»); «Родина – патриотические мотивы» (во всем многообразии и параметральности); тесно переплетаются с понятием «свобода» интимные чувства «кохання», «любовь», «пейзаж», «природа», формирующие сложное синтетическое единство с категориями «родина», «судьба», «любовь» и др. Эти элементы концептуальной картины мира представляют ядро поэтического пространства Т. Шевченко, определяют его доминанты и приоритеты в аксиологической шкале. То есть модель поэтического бытия поэта – это его личная судьба, переживания, которые теснейшим образом переплелись с картиной духовного бытия украинского народа, и картины окружающей действительности, которые, подобно работам А. Куинджи, приобрели уникальные оттенки и звучание, определили поэтический феномен великого поэта.

Литература

1. *Аймермахер К.* Знак. Текст, Культура / К. Аймермахер. М.: Дом интеллектуальной книги, 1998. 260 с.
2. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1997. 416 с.
3. *Воркачев С.Г.* Любовь как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2007. 285 с.
4. *Жайворонек В.В.* Знаки української культури. К.: Довіра, 2006. 703 с.
5. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
6. *Корнилов О.А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: Изд-во КДУ, 2011. 348 с.
7. *Мех Н.О.* Лінгвокультурема ЛОГОС у науковій, релігійній та художній картинах світу. К.: Юг, 2011. 409 с.
8. *Прохоров Ю.Е.* В поисках концепта. М.: Флинта; Наука, 2009. 176 с.
9. *Слухай Н.В.* Мовна символіка і мікропоетика текстів Тараса Шевченка / Н.В. Слухай, Ю.Л. Мосенкіс. К.: Видавничий дім «А + С», 2006. 165 с.
10. *Слухай Н.В.* Художественный образ в зеркале мифа этноса: М. Лермонтов, Т. Шевченко. К., 1995. 486 с.
11. *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
12. *Шевченко Т.Г.* Твори: У 5 т. К.: Дніпро, 1970. Т. I. 407 с.; Т. II. 415 с.

Сведения об авторе:
Ярослав Григорьевич Мельник,
канд. филол. наук
профессор кафедры общего и германского языкознания
Институт филологии
Прикарпатский национальный университет имени Василя Стефаника
(Ивано-Франковск)

Jaroslav G. Melnyk,
Candidate of Philology
Professor
Department of General and Germanic Linguistics
Institute of Philology
Vasyl Stefanyk Precarpathian National University